

ДАВИД РАСКИН

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ

СТИХИ 1962 - 1987.

Санкт-Петербург

Омск

1998

Современная поэзия

Санкт-Петербурга

Раскин Д.И. Доказательство существования: Стихи. / -Омск:
Издательство ОмГУ, 1998. – 66 с.

© Раскин Д.И., 1998

“Давидом Раскиным найден необыкновенно сильный способ писать стихи, отжатые до конца: мужество, жесткость, четкость во всем. Чеканность. Фразы – как высеченная латынь. Гармония. И удивительно просто. Нам предлагается торжественная интонация на материале совершенно простой, обыденной разговорной речи – и получается поразительное превращение. В его стихах почти всегда есть нечто кафкианское. При этом рифмы необыкновенно изящны, от слов, поставленных рядом, рождается второй, третий, очень глубокий план. Сказать, что это философские стихи было бы недостаточно. Они как бы продлевают нашу жизнь, увеличивают ее, выводят на другую дорогу, где она – сама мыслит”

Александр Кушнер

*Дано: десятка два параллельных прямых
Василеостровских линий, конец сентября,
Редкий и мелкий дождь у пивного ларька.*

*Доказывать ничего
Не нужно, и это обидно, поскольку ответ готов,
Да так никто и не спросит, только трамваи гремят.*

*И новая данность придет, и будешь все так же стоять.
Как очередь, сдвинется время и пеной осядет печаль
В щербатую кружку. Но линиям все не сойтись*

*В надежный узел. Не пересечься. Увы:
На плоскости сыро и холодно. И не при чем
Пустые попытки. Что есть, то есть, вот и все...*

ВИД НА ДВОР

КОНТОРА

Вход со двора: направо.

Прием с десяти до двух.

Название в меру шершаво

Звучит не привычный слух.

Немного дневного света

И лампочка сеет мглу.

Несвежая стенгазета.

Доска почета в углу.

Шум города. Запах рынка.

В окне - жестяная даль.

Да пишущая машинка

Системы "Континенталь".

Портъеры просят в стирку.

Крикливый динамик стих.

И - синие, под копирку,

Каракули накладных.

На время забыть заставишь

Себя, зачем и зашел.

Удары раздерганных клавиш.

Затертый паркетный пол...

* * *

Где двух вокзалов отголоски,
Но некого уже встречать,
В одном раскрашенном киоске
Горсправка и Союзпечать.

А дождь моргнет - пиши пропало!
Пронесся, да и был таков -
Лишь клей Обводного канала
И студень рыхлых облаков,

А утром - холодок по коже
И неотложные дела,
И - все. Проходит жизнь, похоже,
А, может быть, уже прошла.

* * *

Улица не кончится добром,
Даже если дождь не разразится:
То царапнет по доске зарница,
То всухую пророкочет гром.

Тишина. Безличная свобода.
Запах неустройства и беды.
Так и есть: просвет гнилой воды
И кирпичная стена завода!

* * *

Слякоть не ведает правил. Ветер не знает системы.

Все - по погоде и все до точки доведено.

Вянут давным-давно отцветшие хризантемы

И ничто не живет, и, может быть, так же давно.

Скользкая корка наледи - беда легковым машинам.

Хрупкие планки наста, мелких сосулек тесьма.

А в палисаднике пахнет снег нафталином -

Долгие проводы, лишние слезы, зима.

Липкая, рыхлая нечисть, снежный слепок, личина.

Грязная струйка за ворот. Весть об еще живых.

Дряхлая музыка с легким запахом нафталина.

Скрип граммофонной иглы по наледи мостовых.

* * *

Скупа природа: снега у нее
Зимой не выпросишь. Лишь резкий ветер
Да слякоть, да случайности, да сумрак,
Да облака белесых фонарей,
Когда один в толпе, еще не поздно
И некуда идти...

Лишь вспыхнет время

На световом табло, и незаметно
Часы и дни проходят в отчужденье,
Холодные от скупости судьбы.
Все то же, только леденеет слякоть
И шаг скользит, не находя опоры,
И видишь: поздний час и резкий холод,
Как часовые или санитары,
Меняются на световом табло...

* * *

У неба одна свобода:
Пожертвовать собой
Во имя перехода
Из багрового в голубой.

Особенно под вечер,
Когда сизоватый дым
Покажется над Невой
И синим, и голубым.

Когда пожелтеют стекла
Прибрежных особняков,
С подсветкой, с темной рыжинкой
И с отблеском в облаках...

Ни купола, ни простора,-
Лишь ветер. Шаги. Судьба...
Даль с едким запахом хлора.
Дымит заводская труба.

* * *

Провисает ветхая осень,
Заползает холод в прорехи
Да еще - стыдливое небо
Сохраняет прежнюю форму.

И от жизни тебя отучает
И почти до слез бесполезна
Уже помертвевшая зелень.
Покорбленная морозом...

На бульваре, под шатким навесом
Прохудившейся, изношенной сини,
Отдаляешься от теченья
Дней и воздуха, а в изгнанье

Только холод и поздние мухи
Из окна к тебе проникают...

Под чугунными сводами
Потемневших мостов
Проплывает замедленно
Ледяная листва.

Под стеклянным молчанием,
Под конец октября,
Как всегда неожиданно,
Рыхлый снег пролетел.

Под влиянием сырости.
Сквозняков, холодов
Легкий звон одиночества
Над каналом стоит.

И устанешь загадывать
Наперед, на потом,
И - ни звона ни шепота,
И пока помолчи...

* * *

Паутина висит на открытой проводке.

Растрескались картофельные обои.

За окном где-то рядом свалка.

Жизнь плесневеет в бумажной

Кожуре. Посерела оконная марля.

Словно на чемоданах проходит пыльное время.

Остыли окурки на залитой чаем клеенке.

Ползет по ногам студенистое утро.

Свет застывает от холода в сероватые комья.

Застоялся бесцветный воздух.

Тихо, и что-то опять сломалось.

Хрипло гудит пустотелое воскресенье...

ВИД НА ДВОР

Белая кость деревьев.

Черный, причесанный снег.

Ветер сточил углы.

Выбелил тени внизу.

Мало того: белеет

Воздух сырой зимы,

Белый до черноты,

Черный до белизны.

Ящиками пространства

Выдвинута земля -

Черный граненный стол.

Гроб побелен и раскрыт.

Так что это слиянье,

Черно-белую длинную тень,

Еле удержит холст,

Еле выдержит взгляд.

* * *

Кисловатый.

С привкусом аспирина.

Дождь. Расползаются ранние сумерки,

Пахнет промокшим сукном.

Узкой щелью,

Еле раздвинув тучи,

Над Голодаем, должно быть, над Гаванью

Ветер летит наугад.

Слишком мало

Того, что не стало тобою,

Не обусловлено и не исчерпано, -

Не назовешь его вслух.

Потому-то,

Кроме полоски заката,

Ясного нет ничего и решенного,

Только впадает в ночь

Рыхлая рябь Невы...

* * *

Дожить до вечера, а там останется
Пустяк - поверить в то, что так - задумано,
Как будто все не вылилось в случайности,
Не измельчало и ничем не кончилось.

Попробуй притвориться озабоченным,
Ну а потом и сам собой привяжется
Какой-нибудь предлог для промедления,
А ночь не выдаст - окна занавешены.

От всех, кто был когда-то в этой комнате,
Ты, видимо, лишь робость унаследовал.
Как маятник, привычны и отчетливы
Ничем не вызванные колебания.

Стоишь - завод окончен, - но прикинулся,
Что движешься, лишь замер перед выбором.
А в опустевшем, ненадежном времени
Никто не усомнится - так спокойнее.

* * *

Мороз еще не высушил размокший
Суглинок на аллеях. Парк покрыт
Налетом талой пены. В темноте
Шуршат чешуйками нетвердых льдинок
Бесформенные лужи. Как всегда,
И слякоти, и мраку придаешь
Подспудный смысл, намеками прикрытый,
Но неразлучный с брошенными в снег
Последними горстями тополей.
Все так живет, как будто нет тебя.
Ты нужен только жидкому сиянью
Окрестных фонарей, - и то, пожалуй,
Не очень-то надолго. Приглуши
Нескромный шаг, крадись, как виноватый.
А то, что стороной не обойти,
Случайно, как и ты в вечернем парке.

РАЗРЫВ

Пахнет лекарствами в будке. Жирные стекла
Захватаны пальцами и за день вконец разогреты.
Трубка как будто разбухла или размокла,
Но автомат молчит, только глотает монеты.

Рядом сберкасса, булочная и аптека,
Длинная площадь, уставленная ларьками.
Зной навязчив, как дружеская опека.
Плавится память в асфальтовой амальгаме.

Не дозвониться! Но в мутно-зеркальном покое
Миришься с чем угодно, лишь бы не суетиться.
Только трамвай искрит, царапая воздух дугою.
Заряжена робким отказом любая частица.

Следуя старой привычке, держишься, как на сцене.
Запоминаешь подробности, уже лишённые смысла.
Все свелось к ожиданию, к тщетным поискам тени.
Частично забылось, частично расплавилось или раскисло.

* * *

Чернильный ручей в студенистых разводах льда.

Поле уже обернуто в полосы мятой бумаги.

В кавголовских озерах стоит высоко вода.

Снежная каша скользит и тает при каждом шаге.

Берег в конторском клею. Кляксы рытвин кругом.

Скручен газетный жгут мокрой березовой рощи.

Незавершенный, застывший, не отраженный в другом,

Все норовишь обойтись легче, спокойнее, проще.

Рыхлой крупой сыпанет. Тающей жижей обдаст

Из-под колес, - и опять пусто на зимней развилке.

Лучше открыться и ждать, как развороченный пласт

Рыжей земли, глядящей сквозь снеговые прожилки.

* * *

Не умеет смешивать краски весна:

На оберточной серой бумаге

Грязь, волоски от кисти,

Подтеки ржавой воды.

Лихорадка, струпья белых стволов

В бородавчатой, пьяной роще.

Еще не высох подлесок.

Тянутся липкие дни.

Но усталость успела прослыть синевой.

Неумело закрашена сырость.

Ядовитый апрель выцветает.

Сонливость давит глаза.

Обнаженный простор не таит доброты,

Лишь дымится тупая безбрежность,

Пар бессмысленной злобы,

Хмель разгульной земли...

КАРТОФЕЛЬНОЕ ПОЛЕ. ПРИГОРОД. ОСЕНЬ.

Изрезанная, ржавая ботва

Гниет, еще не убрана местами.

Погас фонарь и поезд пробежал.

Еще сырая утренняя гарь

Клубится в бороздах, но постепенно

Теряется в извилинах полей.

Труп на столе. Подкожный жир земли

Под неумелым скальпелем сочится.

Лежит кусками черный перегной.

Чем холодней, тем легче избежать

Оцепененья, столбняка равнины.

Прохладный фосфор призрачной свободы

Еще горит болотным огоньком.

И все заботы на себя берет

Промозглый дождь, дежурящий в мертвецкой...

- Тебе осталось только наблюдать!

* * *

Отстраняясь от темноты,
Таящейся внутри любого из нас,
Под утро надеясь на чудо, ближе к полудню
Примириаясь с тем, что есть и было вначале,
Смотришь на грязно-табачный, истоптанный снег
И почти без обиды
Слышишь, как ветер скрипит по железу:
Так и нужно жить!

Тягучим похмельем в чужом пиру
Хвастаться незачем! Хватит уже и того,
Что ты приходишься впору сумеркам, переменной
Облачности, вечному расписанью,
По которому открываются двери контор,
Чернеешь точкой,
В толпе, текущей по подземному переходу,
Как любой другой.

Каково от шести до семи,
Перед этим почти до конца опустев,
Наполняться верой в тождество или сходство
С огнями и слухами, делаясь столь же безличным,

Как и они? - Сам бы так ни за что

Не сумел бы придумать!

Не убеждают подробности. Замысел непонятен,

Да и неясно - чей...

НОЧНОЙ ДВОР. ЗВЕЗДЫ.

Мучнистый снег на крыше флигеля.

Шум близлежащего завода.

Как будто стульями задвигали

В минуту общего ухода.

Но опустевший зал собрания

С клочками порванных записок

Был ко всему готов заранее.

А потолок чрезмерно низок.

Как звезды, множится бесчисленно

Молчанье, пролитое щедро,

И все, что по привычке, мысленно ,

Ты произносишь *ex cathaetra*.

* * *

В шерстяных вечерах, в петлях ворсистого дыма,
Пока прогреваются гулкие батареи
И чай отдает банным самодовольством
И запахом вечного опоздания,
Любая мелочь кажется необратимой.

Сумерки засорены отговорками, вроде:
“Ну и пусть”, “все равно”, “ не больно-то и хотелось”,
Углекислым бессилием, сонливой тягой к покою
Заполняется лишний час... Переходим на зимнее время.

* * *

Поворотами - всеми семью - телефонного диска

Не отвратить тишины: столько длинных гудков

Всех разделило, да ты и сам не готов

Выйти из скорлупы. Так выпадают из списка

Прежние номера. Страшен и глух алфавит.

Только чернеют кресты смерти, размолвки, отъезда.

Времени мало осталось и ограничено место.

Все проходит. Лишь диск на оборотах скрипит.

* * *

Вот и пора по домам. Время - начало второго.

Пахнет плесенью хлеб и ацетоном вино.

Смех застревает в дверях. Дальше - темно и сурово.

Снег скрипит на ходу. Холодно. Пусто. Темно.

Нас уже словно и нет. Улицы. Звезды. Сугробы.

Вот и пора расходиться. Ночь в опустевшем кругу.

Нет ни родства, ни приязни, ни сожалений, ни злобы.

Каждый - сам по себе. Каждый - лишь тень на снегу.

ФОНТАН ПОД ДОЖДЕМ

ЛАХТА

Сероватый песок.

Мертвая зыбь на заливе. Ты и сам не в силах

Перемениться. Только порядок слов

Произволен, но и от этой свободы

Проку немного - лишняя тяжесть

Перед грозой. В заржавленные тиски

Зажато мутное побережье. Гипсовый город

Обрастает песчаной плотью.

Только лишенная соли тяжелая пульпа

Пульсирует в трубах...

ОЛЬГИНО

Зеленый ментол забора и ближнего леса.

Горчащий и скользкий холод на узкой платформе.

Мятная тень берез. Кисловатая легкость

Железистых сосен.

Красноватая ржавчина яблочного огрызка.

Действие кончилось, остались перечисленья

Знаков, лежащих в неразберихе

На дорогу к заливу. Тряская электричка

Побуждает к отказу от узнаваний.

Только пасмурный день отчетлив на вкус и на ощупь.

ПЛАТФОРМА “МОРСКАЯ” (БЕЗ ОСТАНОВКИ)

До тех пор, пока
Мокнут гравий и шлак
Между темных шпал
И скупое спадают
На матовое стекло
Аптечные капли дождя,-

Глина и песок,
Камень и вода
Живут без имен. Поезда
Стирают названья,
Оставляя нам
Осязание, зрение, слух.

Медленно течет
Зыбкая влага вещей, Наполовину застыв.
Затвердевшая общность
Судьбы и случайных свойств
Чернеет, как мокрый шлак...

ЛИСИЙ НОС

Какими бы целями

Ни объяснял постоянную тягу к разъездам,-

Промозглым утром

Остановишься здесь и дорога сойдется клином

На узком лесу, на заболоченной заросли

Между шоссе и морем.

Ближний берег

Местом казни когда-то

Был и местом изгнания хочет казаться.

Короткого лет ему не хватило

Для перемен. Напустит хвойной суровости,

Застынет грибным мелколесьем.

Совсем немного -

Станет еще холоднее и проще,

И до начала весны на ветру обнажится

Вся неделимость и подлинность мира,

Вся беспощадность жизни...

ТАРХОВКА

Тоньше бритвы, острее и тоньше
Комариного писка
Солоноватый ветер. Неяркий полдень
Еще не набрал ни высоты, ни силы,
И ничего не добавить к раствору тяжелой влаги -
Всякая примесь расчета
Выпадает в жирный осадок.
Но быстро сохнут лужи в песке, а хвойная вечность
Зелени - проступает окисью меди
На мятых фанфарах, еще выдувающих марши
С примесью горькой слюны... Пятна масляной краски
На оловянной шеренге. Свист заострился.
Но там, где облезла краска, - лишь серая, гибкая мягкость,
Принимающая любую форму,
Граничит с небом...

СЕСТРОРЕЦК

А в памяти от самых первых лет
Осталось мало: хлопает белье
На серой измочаленной веревке
(Прищепки потемнели от дождя),
И тот же ветер заставляет гнуться
Кусты смородины... Холодный август
Пришел из ничего, да и потом
Ничем не кончится, по крайней мере,
Не знаешь ни начала, ни конца,
Лишь пасмурное небо и траву.
И крашенный штакетник служит гранью
Доступного, а дальше - неизвестность
И сопряженный с нею страх. Теперь
Уже запомнил собственное имя,
Узнаешь пол и возраст год спустя
И прорастет уверенность в себе,
Чтобы растаять через тридцать лет
За той же гранью дачного забора.

А мир все так же пасмурен и прост.
И так же дик нахохленный кустарник,
И точно так же масляная краска
Пузырится на деревянных планках,
И капли с крыши, тяжесть накопив,
Срываются в подставленную кадку.
Но эта обстоятельность примет -
Скорее принцип, нежели потребность,
И менее всего уже привычка.
Осталось лишь незнание причин,
Зависимость от посторонней воли,
Врожденная сырая беззаботность
И, все-таки, привязанность к тому,
Что называют самоценной жизнью,
А проще обозначить: хлебный запах
Намокших досок, трепет простыни
И шиферный, холодный стук дождя...

Город заброшенный, мокрый и, в сущности, жалкий.
И подтекает плащ, и кончается газ в зажигалке.
Зло берет, как посмотришь. Слабость. Испарина. Лень.
Быстро идет к концу командировочный день.

Прошлая встреча смыта, как осыпь древнего вала.
Лет пятнадцать потом прожито как попало.
Только под вечер, припомнив год и число,
Выйдешь к реке, в которой много воды утекло.

Глядя в дряблый туман, в венозных узлах заката,
Вспомнишь, как на воде шумно пестрела регата.
Все, что начать не решился, кончил уже тогда.
Прежние лодки скользнули мимо и без следа.

Мог бы и вовсе забыть. Не нужно прощального жеста.
Но выручает спешка. Завтра - время отъезда.
Вряд ли скоро удастся здесь очутиться опять.
Что потерял - неизвестно, да и не стоит гадать.

* * *

Стерся день, как адрес на записке.
Проходил от ветра легкий хмель.
До скамеек долетали брызги.
Катер назывался “Коктебель”.

Суетились чайки у причала.
Закипали волны за бортом.
Непрерывность жизни раздражала
Больше, чем конечность. А потом

Проступали звезд ночные знаки,
Как всегда, невнятные тебе.
Оставались в неуютном мраке
Бухты, Карагач, Хаба-тепе...

Ближе к ночи в гулкой полусфере
Затихала водная возня.
Лишь огни, как прошлые потери,
Наплывали, близостью дразня...

Слишком много темного объема
Камня, воздуха, воды, песка.
Море чуждо и едва знакомо
И земля не слишком-то близка.

* * *

Уснешь, проезжая Химки, проснешься около Саблина.

Дня три, как провел в отлучке, но вечно одно и то же:

Течет сгущенное время замедленно и расслаблено,

И руки успели привыкнуть к вагонной утренней дрожи.

Как в музыке, правят повторы, а радость приносят лишь паузы.

И ты уподобился флейте. фаготу, кларнету, гобою...

Приятен широкий пробел, просвет от Фонтанки до Яузы,

Но, кажется, даже дорога еще поиграет с тобою.

Меняясь по разным причинам, а чаще - от случая к случаю,

Цепляешься за привычки, хотя и они надоели.

Казалось, себя самого выводил, как ноту тягучую,-

Чужой и случайный мотив получился на самом деле.

* * *

Вплавь или, лучше, во сне,
А, вернее всего, и во сне, и вплавь, -
Пересекаешь плотное, пропахшее хлором время.
Отчетливый сон или неясная явь
Протекает в какой-то замкнутой, жесткой системе,
Не сочетаясь ни с чем во вне.

В трубах журчит вода.
Журчит и плещет о кафельные края
Освещенного, но почему-то пустого бассейна.
Как ледяная струя,
Слишком жестко и слишком прямолинейно,
Течет неосознанный страх, из глубины, непонятно куда.

Так, словно ткацкий челнок,
Снуешь вперед и назад.
Пахнет хлором, Дрожат натянутые канаты.
Лампы дневного света висят.
Стекла холодным паром объаты.
Никак не можешь отбыть какой-то урок.

Спишь, но при этом сквозь сон
Пытаешься вспомнить или понять,
Почему не южное море и не речная заводь
Снятся, словно только вперед и вспять
Осталось плыть, и ничего невозможно исправить,
Словно и век, в основном, уже завершен.

ФОНТАН ПОД ДОЖДЕМ

Радуга смыта. Осталась лишь бурая слизь,
Словно гнилая листва на граните растерта.
Струи еще изгибаются самовлюбленно и гордо,
Но от смешенья с дождем уже ни одной не спастись.

Жалкое зрелище! Ржавые трубы еще сохраняют напор
Прежней гордыни. Но гниль облетевшего сада
Вся обнажилась. Копится злость и досада,
Да и в движении вод заметен уже перебор.

Кто-то: как будто в насмешку, на первый выставил план
Несколько бледных от холода гипсовых статуй.
Пусто. Упорство кажется страхом перед расплатой.
Запах рогожи и тлена... Так перекрученный кран

Не удастся закрыть. Вот и прошло торжество,
Даже похмелье рассеялось. Капли стучат по эмали
Кухонной раковины. Вот и причины отпали
Для болтовни и притворства. Только взамен - ничего.

* * *

Во сне увидел собственную смерть.

Под утро - около восьми - пришла
По почте или, кажется, с курьером
Повестка с приглашением прибыть
На заседание, и был в конце
Указан точный адрес и маршрут.
Пошел на остановку - этот номер
Не значился на вывеске трамваев,
Но тут бесшумно подкатил вагон
И некогда раздумывать - садись!
И только все, кто был на остановке,
Не двигались и не были слышны
Их разговоры. Двери запахнулись.
В салоне было тесно и темно.
Казалось, шел трамвай через туннель,
Дрожал и был, скорее, электричкой.
И время шло - никто не выходил
И только прибавлялось пассажиров.
Мелькали в окнах сорные поля,
Платформы и дощатые заборы.
Все время пахло дымом и резиной.
Светлело, только скорость нарастала.
И, помнится, еще томила руку
Свобода от забытого портфеля.

И кто-то по трансляции сказал,
Что поезд прибыл на конечный пункт.
Терялись рельсы, уходя в тупик.
Настолько был замусорен пустырь
Или настолько свалка заросла,
Что взгляд скользил по ржавому железу,
Разорванным журналам, клочьям пленки,
Крапиве, иван-чаю, лопухам.
Поодаль, справа, молча нависал
Пустой скелет разрушенного дома,
В который все ушли через пролом
В глухом торце, хотя идти туда
Никто не принуждал. И было тихо
И так же одиноко, как всегда.

Помедлил. Солнце пряталось за дымкой,
Стоял расплывчатый и ровный свет
И мягкое тепло. Потом присел
На мшистый камень бывшего порога
И понял вдруг, что это - навсегда.
А дальше - темнота и непричастность
И скука. И почувствовал себя
Летучей мышью на гнилых стропилах...

* * *

Пилят доски. Скользко на развилке
Ледяных, ухабистых дорог.
Сладко пахнут свежие опилки.
Дымом пахнет дачный городок.

Выходной - лишь временная праздность,
Лыжный след, холмы, озерный лед.
И пожизненная непричастность
Ни к чему - свободы не дает.

А покой, как повсеместно, хрупок.
Здесь, по расписанию, до шести
Невозможен никакой поступок.
Мерзни, стой на остановке, жди.

Подойдет автобус, выхлопными
Газами растопит жесткий наст.
Жизнь дала пространство, время, имя.
Больше ничего уже не даст.

ВРЕМЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

* * *

Эпоксидной смолой
Склеен разбитый пейзаж.
Ржавые сосны давно перестали звенеть.

Силишься вспомнить, когда
Все уже видел, уже успел побывать
В этой низине цвета стоячей воды.

Вот и пытайся теперь
Перестроить зрение, только мешает мысль,
Что все повторится, а это - последний шанс.

Есть какой-то предел
Недоверию к жизни. За ним -
Равнодушие с примесью зависти. Мертвый клей...

* * *

Степь иссушила предлоги, наречия и союзы.
Лишь виноградные колышки жирным бетоном блестят.
Прикосновение к жизни подобно ожогу медузы.
Речь сама по себе легко переходит в распад.

Пыль. Купорос на лозе. Гнилостный запах лимана.
Непостоянны значенья в скопище грубых корней.
В час по полудни и дальше - каждая тень безымянна.
Даль развалилась, как фраза, и не жалеешь о ней.

Соль на сыпучих камнях. Мысли еще бессловесны,
Но потеряли уже точность и всякую связь
С плотной основой вещей. Мыс переходит в отвесный,
Сточенный ветром обрыв. Кислым дичком привилась

Мнимая легкость различий запаха, вкуса и цвета.
Недобродившая сила не проясняет черты.
Между самим предметом и обозначеньем предмета
Есть еще место для смерти или для немоты.

* * *

Дождь, как нотный диктант. Не успеваешь проверить
В чем ошибался. Но шатки любые оценки.
Только расстроенное железо гремит,
Не попадая в лад. Поэтому воздух прорезан
Свинцовыми каплями звуков, ленивой ртутью,
Оловом обязательств быть по возможности точным,
Цинковым самодовольством с легкой добавкой сурьмы.

Взвешивая на слух сочетания всплеска,
Звона, журчания, легкого грома и стука,
Узнавая привычный порядок, невольно вдаешься
В старый обман всеведения, только, на самом деле,
Все не так-то и просто и, может быть,

Музыка - только случайность или вид недовольства
Наличной суммой предложенных обстоятельств,
В которых приходится жить, словно играешь на сцене,
Достигая подобия с кем-то, еще не бывшим,
И даже не веря в себя... Но эти уроки
Сливаются в сонный гул. И в голосе слышен металл.

СТОП-КАДР

Звук отключен. Сквозь толстое стекло
Видны линейки проводов, крючки
И точки черных нот. Десяток птиц
Висит, образовав десяток знаков -
Простой мотив, который прочитать
Легко, но невозможно вслух напеть,
Поскольку звук на время отключен.

Все это не относится к тебе,
Но только оскорбляет скудость средств,
Которыми навеян, укреплен
И в памяти надолго обозначен
Безмолвный страх исчезнуть насовсем
И не оставить никаких следов
Присутствия... Всего десяток нот...

Нет в черно-белом кадре глубины,
Лишь резкость недовольство выдает,
И воробьи перепорхнут в C-dur,
И нотный стан по-прежнему спокоен.
И между нами толстое стекло.
И все беззвучно, словно нет конца
Контрастности, масштабу, кривизне...

* * *

За фортепьянными льдинками
приходит пронзительный ветер
Медных. как ни пытайся
Ускользнуть от холода - тебе достается
Мажор и грохот.

Стоит усилиться
Страху и сутолоке, - и не надейся
Разобраться в разноголосице. Словно вьюга,
То влажная, то игольчатая, посмертные маски
Месит и лепит.

Черными ледяными катками
Встретит тебя дощатая полночь.
Мост проскрипит, но в нижнем регистре канала
Не удержаться. Лишь темнота еще охраняет
От перерыва.

Деревья рывками к площади
Выбросят барабанные сучья. Дробью
Обозначается резкость и сухость пространства.
Треск разрываемой ткани. Дальше - одно и то же,
Озноб и тяжесть.

Рисунок, если назвать его вслух,
Напоминает об известковой горе,
Поросшей терновником. Он, по сути дела, и есть
Гора, он - больше гора, чем этот осыпанный склон
С прожилками гипса. При этом грифель мягок и толст,
А все сомнения медленно изошли
Спиралью древесной стружки. Всему придает
Необходимую резкость прогорклый свет
Маслянистого солнца. Но это - уже акварель,
Медовый запах сухой травы
И легкая влага под вечер, цветная пыльца
На крыльях бабочки, еле заметный след
Присутствия, нагретая за день полынь.

Но мало меда, гораздо чаще - гранит.
Он тратит себя на то, чтобы опять отделить
Свет от затушеванной темноты,
Затем - воздушную влагу от рыхлой тверди, потом -
Начинает дышать. Но для этого нужно сперва
Припомнить имя, произнести его вслух
И даже, для верности, повторить...

МОРДОВНИК (ECHINOPS RITRO)

Южный цветок, предположительно, полевой,
С неизвестным названием: дымная голубизна,
Сероватая, газовая, игольчато-тонкая тень
На колючках, на твердой, уже отживающей сердцевине.
Запаха нет. Облик с трудом уловим.
Мясистый стебель
Уже слегка потемнел - начинается ранняя осень.
Рядом - трескучие заросли терновника и ежевики.
На папиросной обочине больше и нет ничего
Кроме случайного взгляда на мало знакомый цветок,
Словно в толпе. Преходящий оттенок бледнеет.
Автомобильный выхлоп
На мгновение тоже одушевленный и сизоватый.
Равен дыханию. Так вот и каждый звук или цвет
То заменяет жизнь, то переходит
К небытию.

* * *

Сухие клавиши черных сучьев
Западают на резком ветру, а в небе, сизо-багровом,
Морозная ясность и слабый, надтреснутый звук.
Что ж, он не хуже другого: звук равен звуку,
Пока не наполнила день ядовитая сырость.

Вот уже и не страшно
Жить, потому что всегда остаются
Мост и клочья колючей травы
На берегах подмороженной Пряжки.

Ветер разучивает наугад
Странную пьесу. Клавиши западают.
Нотные знаки палой листвы разметались
По жестким газонам. И где-то вкралась ошибка.

ПТИЦЫ

В Слове ухаёт филин, кричит лебединая стая,
Плачет кукушка и сокол парит над ковыльной степью.
У Державина, по соседству с геральдическими орлами,
Заливается в клетке снегирь, подражая флейте.
Длинные трели выводит потом соловей у Фета.
У Манделштама - свищет щегол и беззвучно зябнут
Воробьи на московском морозе...

Все это условные знаки

Жизни в давно прошедшем. Уже не нужно
Перелистывать справочники, изучать повадки пернатых,
Стоять с биноклем на берегу залива,
Между Стрельной и Петергофом. Для предсказаний
Нет предмета. Остались одни каталоги,
Цветные вклейки. Музейные стекла. Свойства
Частей угасающей речи... Хлопья грязного снега...

* * *

С девяти ноль-ноль
До восемнадцати (тоже ноль-ноль) -
Перерыв с тринадцати до
Тринадцати сорока восьми -
Непрерывно стучат, как мертвые поезда,
Уходящие из пустоты в пустоту,
“Reinmetall”, “Ятрань”, “Robotron”.

Буквы, освободившись от смысла, бегут
По глянцевиной бумаге, а вероятность того,
Что из них случайно сложится смысл,
Равна одной десятиллионной. Но все рычаги
Срабатывают и лента не рвется. Хотя никого
Кругом. И все происходит само по себе.
И стоит исходящий номер, как будто бы есть исход.

В пустых кабинетах телефоны ведут
Переговоры друг с другом. Их язык состоит
Из коротких и длинных гудков.
Ты здесь давно уже лишний и ни к чему
Не причастен, но, хочешь того или нет,
При этом придется присутствовать до конца.
А бесконечность была бы страшнее всего...

* * *

Пахнет рекой и свежим хлебом печаль,
Мягкими стружками пахнет детский покой,
Мытым полом - сентябрь, ожидание перемен.

Все проходит, как дым в пригородных садах.
Лишь притворяется вечным круговорот
Запахов, но и они разлетаются кто куда.

Незавершенность в дыхании, конечность в медовой струе
Свежего сена, так что третье из чувств
Отчетливее, прочнее и горше всех остальных.

ЦАРСКОЕ СЕЛО. СОФИЯ. ПУШКИН.

Аллеи по транспаранту расчерчены. Каждую прорезь
Заполнил не столько лиственный, сколько бумажный шорох.
Слова распускаются, со смыслом споря и ссорясь,
Как маслянистые липы. Неясно только в которых
Из них узнаешь себя. В каких речах. Разговорах.
А, впрочем, любая речь держится на повторах.

Немая жизнь лишена существования, словно
Зажатая холодами древесная темная завязь.
Поэтому воля к бегству бессильна и малокровна.
И смотришь на голые ветви, покорно и тупо уставясь.
И на мосту покрыты влагой тонкие бревна.
И все, кто под этим небом, сосчитаны поголовно.

Такой вот достался словарь. И синтаксис. И пространство
Рожденного ими смысла. И ты уже поневоле,
Как дерево, с ними сросся. Их цепкое постоянство -
Источник не столько радости, сколько, скорее, боли.
Сильнее магнитного, давит и гнет смысловое поле.
И стынют кусты на жестком суглинке или подзоле.

* * *

Мир за оконным стеклом...
Сглаженный воздух, покой,
Так что не видно дождя,
Ветра, биенья листвы,
Только на желтой земле
Рыжим пятном запеклась
Бронза, руда, кровь.

Сняты подробности. Ночь
Вылилась в гулкий покой,
Матовым, толстым стеклом
Обволокла листопад.
Все, что увяло, потом
Падало, смертно дрожа, -
Взгляд формирует в изгиб
Точного, злого литья,
Патиной смерть покрыв.

Только холодная даль
Дышит в свинцовом стекле,
Все оставляя, как есть...

* * *

Поскольку на ветру не прикурить,
Зайдешь в чужой подъезд, захлопнешь дверь,
На полутемной лестничной площадке,
Поблизости от ржавой батареи,
Задержишься на несколько затяжек...
Подумать только - большего покоя
И большей, судя по всему, свободы
И не бывает, разве что во сне.
Еще и то прекрасно, что нашлось
Пять-шесть минут и можно не спешить...
В конечном счете, тем и хороша
Оставшаяся жизнь, что есть минуты,
Когда тепло, когда никто не видит
И рано выходить под мокрый снег.
А начинал со многого, как все.
Замахивался чуть ли не на вечность
И ждал, что все исполнится... Смешно...

Столько всего пропустил, что мог бы остаться
На вторую жизнь, но все еще переводят
В очередной возраст, хотя не дается задача,
Условия непонятны, и, может быть, в них опечатка.

Пока - тяжелеет воздух, дело к дождю А, впрочем,
Это как раз уже проходил когда-то,
Только забылась несложная цепь доказательств
Твоей причастности к сухой и темной сирени.

Стоишь, и знаки, и числа на ощупь перебираешь,
Но что-то должно получиться после перестановок,
И можно ответ подогнать, и надеешься больше на случай,
Чем на себя. Крошится мел на асфальте...

* * *

Лимонная спесь кисловатой латуни -
Дверные таблички
Над ужасом лестниц ночных.
Как время, стоит
Кошачий и гнилостный запах отбросов.
Так вот что - замена
Убежища и очага!
Ни громкая фраза, ни смятый окурок,
Упавший в пролет,
К бездомной тоске ничего не прибавят.
Чужими корнями
Питается скудная речь.
И нехотя пьешь
Нечистую влагу, как ветка дрожащей осины,
Все больше мертвее к зиме.

АКВАРИУМ

Граница между тобою и мутными фонарями

Была едва ощутимой, теперь и вовсе размыта.

Любая данность входит в нее, как нож в топленое масло.

Искры на проводах, короткое, быстрое пламя.

Трамвайная остановка у Дома быта.

Рядом - электросварка или звезда погасла.

Влага сознания перетекает в любую форму.

Жить в стекле - дрожать за непрочные стенки сосуда

Или, точнее, - ждать падения или удара.

В сумерках обволокла усталость или простуда.

Нет ни лица, ни числа - время и облако пара.

Словно сонные рыбы, тянемся к тощему корму.

Настоенный на заплесневелых чайниках
Слабый туман. Содовый привкус дороги.
Запотело стекло вокзального павильона.
Только табачная крошка вдоль насыпи
Мокнет, чернеет, горчит.

Заморозки саднят. Покрасневшее горло
Дальнего леса обволокло налетом
Измороси. Едва успеваешь дожждаться
Скорого выздоровления -
Утренник, узкая колея.

Запах остывшего чая, прощанья.
Влажная простыня покрывает болото.
Пригород, как всегда, прикидывается спящим.
Бремя тягчайшего доказательства -
Существования - снова лежит на тебе.

* * *

Curriculum vitae... Все тот же треск целлофана
Под ногами. Пропитаны влагой холодные астры.
Стонет дверная пружина. Лестница никуда не приводит.
Плачут подвальные трубы и паром исходят пустоты.

Так промедление было началом
Бессилия. После, как проволока на ролик,
Многое намоталось... Пахнет трусливым побегом.
Пусто и поздно...

* * *

У застекленной кассы, на схеме железных дорог, -
Имена незнакомых станций, причем за каждым из них -
Грязный зал ожидания, душная суета.
Страна раздражает пространством, как ни давай зарок
Не удивляться. Город снаружи притих,
А в отходящем поезде заняты все места.

Должно быть, ты уже умер, а значит, в чистилище или в аду.
Загробная кара - это огромный вокзал,
Где вечная очередь и не хватает мест
На жестких диванах. Где каждый всегда на виду.
Никто никуда не уедет. и всех поневоле связал
Мерцающий на световом табло недоступный отъезд.

Исходя из вышеизложенного, нетрудно предположить,
Что застекленная бездна рождает лишь вечный гул.
Бессмысленно выделять из него двенадцать тонов.
Стоячая бесконечность умерит любую прыть!
На расписание, словно на звездное небо, взглянул,
А ни к чему другому, кстати, и не был готов.

* * *

Напрасно вывод торопит
Настойчивый протоколист.
Вдуматься, - жизненный опыт
Не представителен и не чист.

Чем строже способы счета,
Тем больше неисчислим
Песок причин, и что-то
Иное скрыто за ним.

Пробелы и пустоты
В итоге сулят провал.
Число степеней свободы
Меньше, чем ожидал.

Самоуверен и прыток
Отгадчик темных примет,
Накопитель тщетных попыток
Найти подходящий ответ.

Не в навыке или уловке
Заминка: задача проста.
Остались одни подстановки,
А суть - за пределом листа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

“Дано: десятка два параллельных прямых...”	4
ВИД НА ДВОР	5
Контора	6
“Где двух вокзалов отголоски...”	7
“Улица не кончится добром...”	8
“Слякоть не ведает правил. Ветер не знает системы.”	9
“Скупа природа: снега у нее...”	10
“У неба одна свобода...”	11
“Провисает ветхая осень...”	12
“Под чугунными сводами...”	13
“Паутина висит на открытой проводке.”	14
Вид на двор	15
“Кисловатый. С привкусом аспирина...”	16
“Дожить до вечера, а там останется...”	17
“Мороз еще не высушил размокший...”	18
Разрыв	19
“Чернильный ручей в студенистых разводах льда.”	20
“Не умеет смешивать краски весна...”	21
Картофельное поле. Пригород. Осень.	22
“Отстраняясь от темноты...”	23
Ночной двор. Звезды.	24
“В шерстяных вечерах, в петлях ворсистого дыма...”	25
“Поворотами - всеми семью - телефонного диска...”	26
“Вот и пора по домам. Время - начало второго.”	27
ФОНТАН ПОД ДОЖДЕМ	28
Лахта	29
Ольгино	30

Платформа “Морская” (без остановки)	31
Лисий Нос	32
Тарховка	33
Сестрорецк	34
“Город заброшенный, мокрый и, в сущности, жалкий.”	35
“Стерся день, как адрес на записке.”	36
“Уснешь, проезжая Химки, проснешься около Саблина.”	37
“Вплавь или, лучше, во сне...”	38
Фонтан под дождем	39
“Во сне увидел собственную смерть.”	40
“Пилят доски. Скользко на развилке...”	42
ВРЕМЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА	43
“Эпоксидной смолой...”	44
“Степь иссушила предлоги, наречия и союзы.”	45
“Дождь, как нотный диктант...”	46
Стоп-кадр	47
“За фортепьянными льдинками...”	48
“Рисунок, если назвать его вслух...”	49
Мордовник (<i>Echinops ritro</i>)	50
“Сухие клавиши черных сучьев...”	51
Птицы	52
“С девяти ноль-ноль...”	53
“Пахнет рекой и свежим хлебом печаль...”	54
Царское Село. София. Пушкин.	55
“Мир за оконным стеклом...”	56

“Поскольку на ветру не прикурить...”	57
“Столько всего пропустил, что мог бы остаться...”	58
“Лимонная спесь кисловатой латуни...”	59
Аквариум	60
Opus probandi	61
“Curriculum vitae... Все тот же треск целлофана...”	62
“У застекленной кассы, на схеме железных дорог...”	63
“Напрасно вывод торопит...”	64